

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ НА СЕМЕЙНО-РОДОВУЮ ПАМЯТЬ СИБИРЯКОВ

Автор: Л. Ю. ЛОГУНОВА

ЛОГУНОВА Лариса Юрьевна - кандидат социологических наук, доцент Кемеровского государственного университета.

Аннотация. В статье на основе собранных и восстановленных историй сибирских семей рассматривается семейно-родовая память как составляющая социальной памяти сибирской территориальной общности с позиций социальной и культурной травмы. Изучение семейно-родовой памяти сибирской территориальной общности, отличающейся спецификой заселения и формирования, объясняет причины поведения людей в экстремальных условиях, связанных с переселенческими событиями, раскулачиванием, депортацией, политическими репрессиями, которые пережили семьи сибиряков на протяжении последних двух столетий.

Ключевые слова: историческая травма * культурная травма * сопротивление травме * посттравматическая адаптация * преодоление травмы * травматический цикл * социальная * историческое наследие * семейно-родовая память * сибирская территориальная общность * "биографическая ситуация" * духовная жизнь общности * нарративные интервью * семейные истории * поколение

В сферу гуманитарных и социальных наук в конце XX в. внедряется новая парадигма травмы. Стэнфордская группа исследователей (Д. Александер, Н. Смелзер, П. Штомпка) выдвинула концепцию социокультурной травмы, идею которой предложил французский философ П. Буа. Травма трактуется как "социальный факт" в классическом, дюркгеймовском смысле. Это коллективный феномен, который порождает разрушительные события. Она распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт, интерпретируется и воспринимается группой как нечто, принуждающее и налагающее обязательства на их действия [1].

Сфера культурных изменений считается наиболее травмогенной, где травмирующая ситуация разрушает "культурную ткань общества" и, "как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени при благоприятных условиях, проявляя себя".

Восприятие исторической и культурной травмы основано на социальной памяти, которая дает материал для сопоставления прошлых ситуаций и измененных состояний жизни группы. Если люди интерпретируют события как опасные для сохранения традиционных привычных социальных практик, то такие события воспринимаются как травмирующие. Социально-культурная ткань общественной жизни теряет свою

плотность, однородность, так как в это время происходят разрывы в потоках социальной памяти: образцы нормативного поведения сталкиваются с невозможностью их воспроизведения в новых условиях.

Социальную память мы предлагаем отличать от исторического наследия - совокупности событий прошлого, переданного "во взаимосвязанном, нарастающем историческом процессе", того, что реально сохранилось от прошлого [2]. На макроуровне наследуется прошлое многих поколений человечества, на мезоуровне в наследие включают историю развития территориальных, этнических и родственных общностей, на микроуровне формируется наследие, сохраняющее в памяти индивида периоды прожитой им жизни.

Социальная память - это особенность восприятия исторического наследия. Она окрашивает его чувствами, мифологизирует, трансформирует с помощью ошибок и несовершенств человеческой памяти. Формируется семейно-родовая память, передаваемая потомкам в виде семейных историй, легенд. Наследники этой памяти в последующих поколениях закрепляют в ментальных характеристиках общности правила поведения, основанные на истине и мифологических продуктах сознания.

Если в эту канву формирования социальной памяти входят травмирующие осколки исторической или культурной событийности, то память изменяет свой рисунок. Наследники начинают острее воспринимать исторические события. Энергетически сильные "пятна" в структуре менталитета могут изменить самосознание общности, ее восприятие новых социальных ситуаций и реакции на реальные события, в том числе и политические. Это маркеры социального поведения членов общности, которые не в состоянии закрасить в унифицированный цвет события социальной или политической практики.

Исследования процессов функционирования семейно-родовой социальной памяти сибиряков проводились в 2000 - 2007 гг. в Кузбассе и Томской области¹. Собран обширный эмпирический материал, позволяющий реконструировать семейные истории сибирских родов на основе нарративных интервью с использованием методов социальной генеалогии. В исследовании применялся методологический принцип "Из мира следствий - в мир причин". Изучено влияние травмирующих исторических событий на семейное поведение, стратегии и жизненные адаптивные практики. Нас интересовало, как поколения родственников выживали в экстремальных условиях, связанных с переселенческими событиями, раскулачиванием, депортацией, политическими репрессиями, которые пережили семьи сибиряков на протяжении последних двух столетий.

Базу данных составили истории жизни сибирских семей, исследовательские материалы сформированы согласно этапам заселения европейцами сибирского региона: крестьянская колонизация в конце XIX - начале XX вв.; ссылка в Сибирь; депортация семей в 20 - 30-е гг. XX века; эвакуация или депортация по национальному признаку во время Великой Отечественной войны; распределение молодых специалистов в послевоенные годы.

Социальная память сибирской территориальной общности имеет длительную историю формирования под воздействием ряда факторов.

1. Природно-климатический фактор. По мнению Г. Н. Потанина, он "обуславливает физиономию страны и ее пейзаж, фауну и ... культуру человека" [3]. Сибирь привлекала обилием земель и угодий. Там, где была возможность изменить правила общинного землепользования, формировался тип нового хозяина, отличавшегося от крестьян европейской части России особым достоинством, укладом жизни, определенной свободой.

¹ Опрос проводился в 2001 - 2007 гг. Всего записано и обработано около 600 семейных историй сибиряков. Каждая история содержала информацию о судьбах семей боковых родственных линий, поэтому эмпирическую базу составили истории 1500 сибирских семей. Техническую помощь оказывали студенты Кемеровского государственного университета культуры и Кемеровского государственного университета.

2. *Географическая удаленность, обособленность*, в том числе и экономическая, от центра государства. Формирование сибирской общности изначально было основано на дихотомии "Сибирь - Европейская Россия".

3. *Социально-политический фактор* основан на отсутствии крепостного права, на более выгодном положении крестьянства в "некоренной" России. Это "крестьянский" край, где не было дворянства. Представители привилегированных сословий, как правило, приезжали в Сибирь социально и политически мертвыми, лишенными чинов и званий. О непрочности сословных перегородок внутри семей свидетельствуют ходатайства казаков о зачислении в войско своих родственников из тяглых сословий. В архивных документах встречаются акты и сделки на землю, оформленные крестьянами наравне с представителями других сословий. В одной семье братья могли быть чиновниками, хлебопашцами, по рождению дворянами. Между крестьянами встречались дети духовного звания, а в духовенство попадали из крестьян. Существенной чертой сибирской общественной жизни и нравов являлся демократизм. Н. М. Ядринцев считал, что это было следствием относительной социальной однородности.

Такое смешение различных сословий придавало сибирскому обществу особый колорит демократизма. "В быте простого сибиряка вы встретите чистоту и обстановку вроде городской, в манере и обхождении некоторую изысканность и деликатность" [4]. Д. И. Завалишин, наблюдая переселенцев отмечал, что этот край "переродил их радикально". Здесь "нет тупого исподлобья взгляда русского мужика, его неопрятный, неряшливый в хозяйстве" [5]. Это проявляется также и в особенном сибирском "областном" говоре, который подметил П. А. Ровинский. Он пишет: "У нас в России ... областной говор составляет один из признаков мужичества и необразованности, в Сибири же нет такого удаления двух классов мужиков и господ, образованных и необразованных. От мужика в Сибири вы услышите множество слов иностранных (европейских), совершенно неизвестных мужику в России, а от господина - самые простонародные слова и выражения" [4, с. 230].

4. *Особенности менталитета сибиряков*, основанные на осознании общности исторического прошлого. Уже к середине XVII в. сложился особый этнографический тип жителя Сибири - "сибирянина", а сибирскую территориальную общность в "Краткой Сибирской Летописи" называют красивым неологизмом - "сибирство", а население Сибири исследователи считают особым этнографическим типом, в котором просматривается "особый характер, физический и бытовой; колонизация соединила в Сибири людей весьма различного происхождения и склада, которые, не сохранив первоначальных свойств, в своем взаимодействии выработали новые черты на русской племенной основе" [6]. Эти черты отмечали исследователи и путешественники в XIX в. Губернатор Енисейской губернии Степанов так пишет о сибиряках: "Они остры и насмешливы", сибирский крестьянин "свеж умом и смел в объяснениях", "сибиряк смотрит бодро, весело" (П. А. Кропоткин), демонстрирует чувство собственного достоинства (Н. В. Басаргин), независим, предприимчив (П. П. Семенов Тянь-Шанский), проникателен и находчив (А. Е. Авдеева-Полевая), самоуверен (Н. Д. Фонвизина). Н. И. Лорер вспоминал о том, как прибыли в "чистенький городок" на Енисее - Иркутск: "Чем глубже вдавались в Сибирь, тем более нас поражала чистота и опрятность сибиряков. ... Везде жители встречали нас приветливо" [7]. "Коренными добродетелями" сибиряков считают гостеприимство и сострадание. Путешественники и чиновники отмечали зажиточность, хлебосольность и чистоплотность сибиряков в быту (В. В. Струве, Д. И. Завалишин). Есть свидетельства, что горожане мыли внешние стены своих домов.

Анализируя письма, дневники, воспоминания исследователей, путешественников, местной интеллигенции, мы обратили внимание на неоднозначность оценки сибиряков. Если коренные сибиряки с теплотой писали о своей родине, с благодарностью говорили о сибиряках декабристы, то жители Европы по-своему видели черты сибирства. Представителей эстетствующей интеллигенции, которых А. А. Кауфман называл "туристами", "угнетало отсутствие изысканного общества", достоинство сибирских

крестьян воспринималось, как дерзость и невоспитанность. Поэтому легко было объявить Сибирь темным бескультурным краем. Так, профессор Н. А. Благовещенский характеризовал нравы сибиряков в XIX в. как дикие. Негативные описания сибирских нравов встречаются, как правило, в заметках "чужих", приезжих из Европейской России. В целом в исследовательских работах представителей местной интеллигенции "сибирство" рассматривается как позитивное явление в российской жизни.

5. *Мирное сосуществование этносов* определяло межнациональное общение в Сибири как ассимиляционный процесс. Сибирь представляла собой большой котел, огромную территорию без национальных и конфессиональных границ, где сложилась еще одна черта сибирства - толерантность. Бесконечные волны вольных и невольных переселенцев сталкивались и перемешивались в единую массу: русские и кавказцы, жители прибалтийских губерний и башкиры, евреи и малоросы. При этом столкновении нивелировались национальные и религиозные различия. Социологи и историки указывают на то, что при такой этнической пестроте потомки переселенцев обладают общими чертами, которые дают право называть сибиряков субэтносом.

Сибиряки антропологически отличаются от европейского населения России. Характерный антропологический облик, который сформировался за три столетия, отличает сибиряков от русских, проживающих в европейской части страны. Большую массу русского населения Сибири составили старожилы, предки которых пришли в Сибирь в XVII-XVIII вв. в основном из северных областей России. Особое положение занимают сибирские старообрядцы, поселившиеся в XVIII в., которые долгое время сохраняли особенности своего быта. Г. М. Давыдова утверждает, что у русских Сибири более крупные размеры лица и его частей: скулового и челюстного диаметров, высоты лица и носа, независимо от того, происходило ли смешение с местным населением или нет [8].

6. *Многослойность исторического формирования социальной семейной памяти сибиряков.* Европейцы появились в Сибири с середины XVI в. Первыми переселенцами были служилые люди из казаков. К началу XVIII в. население Сибири на 1/3 состояло из потомков землепроходческих казачьих групп. Вторая волна казаков пришла в качестве конвоиров старообрядческих кланов, перемещенных из Центральной России. Первая четверть XVII в. ознаменовалась стихийной колонизацией русских переселенцев почти исключительно поморского происхождения. По свидетельству П. А. Ровинского, "Отправившиеся ... в Сибирь наши северяне и между своею братиею были недюжинные люди, бывалые и опытные, ... притом люди вольницы, не терпевшие никаких стеснений" [4, с. 82]. Вольная крестьянская колонизация привнесла "ген" личной энергии, мобильности, инициативы в сибирский характер, отличающийся широтой души, любовью к порядку. "Строгая истина заставляет сознаться, что ... понятия о русской политической ссылке были преувеличены ... без всякого основания и без всякой справедливости" [5, с. 96, 97].

В 60 - 80-х гг. XVIII в. ссылка как мера наказания подданных Российской империи начала играть значительную роль. Строительство Сибирского тракта, который из Западной Сибири от Томска и Ачинска шел по равнинным местам, заселявшимся земледельцами через Красноярск и Камск на Нижнеудинск и Иркутск, усилило значимость данной территории в XVIII в.

Вновь государственное регулирование миграции в Сибирь было предпринято в начале XIX в. как репрессивная мера для населения (ссылки). Так, административно при малейшем подозрении в вольнодумстве ссылали в Сибирь евреев. Сюда попадали "мятежные умы" и "галанты". В архивных документах хранятся свидетельства об использовании Сибири в качестве "свалки для сброса" тех, кто своим поведением выделялся среди массы. В XIX в. Сибирь приняла 840 тыс. ссыльных (по другим данным - до миллиона). И, если XVIII в. считается временем закрепления сибирских традиций и господства старожильской культуры, то уже в середине XIX в. сформированные черты сибирства стирались, особенно вдоль трактов в Забайкалье, где оседали ссыльные. В 1897 г. в Сибири числилось 299 тыс. ссыльных, что составляло 5,2% населения.

В конце XIX в. в Сибирь хлынула новая волна крестьян-переселенцев. Отдельные семьи и целые кланы из средней полосы России, Поволжья, Украины, Финляндии, Прибалтики, Приуралья вынуждены были переселяться в восточные районы государства. С этого времени, как правило, начинаются семейные истории наших респондентов. Здесь находится граница семейно-родовой памяти большинства сибиряков, которая является новообразованием на фундаменте социальной памяти общности.

Выбирая стратегию определения границ выборки, мы учли возможность формирования ее не с точки зрения репрезентативности (принимая во внимание сложности технического и методического характера), а рассматривали аспекты, характеристики, особенности исследуемого явления: жизненные ситуации, адаптивные реакции людей в новых жизненных условиях, связанных с переселенческими событиями. Герои исследования - представители старшего поколения (информанты), рассказывающие историю своего рода внукам (интервьюерам). Транскрипты систематизированы после формирования групп типичных ситуаций на категории по степени "компетентности" героев.

Стиль изложения историй продиктовал следующий вид систематизации материала по типам историй в порядке убывания количественных характеристик групп: *женские* (рассказанные представительницами старшего поколения); *мужские* (рассказанные мужчинами или женщинами о судьбах мужчин рода); *типичные* (повторяющиеся по сюжетам, в том числе во всех поколениях); *жалостливые* (повествующие о трудностях жизненного пути, трагических ситуациях, эмоционально-напряженные истории); *"обычные"* (в них подчеркивается, что семья "ничем не примечательна", рассказ лишен эмоциональной окраски, все уникальные жизненные ситуации тщательно убраны из транскрипта); *героические* (истории о подвигах, количестве наград и семейных достижений); *"любящие"* (отличаются теплыми красками в описании родственников с обилием уменьшительно-ласкательных суффиксов); *истории-отчеты* (о рождении детей и получении ими образования); *истории болезней* (о страданиях родственников и причинах смертей являют собой интересный материал о родовых заболеваниях, передаваемых с помощью включения механизма действия семейных сценариев); *уникальные истории* (типизации не поддавались, сюжеты и события не повторялись ни в одном поколении).

Истории сибиряков отразили социальную семейно-родовую память, которая понимается нами как духовная составляющая жизни социальной группы, обладающая следующими характеристиками.

1. Многослойная структура коллективного сознания, включающая общечеловеческую социальную память ("память мира"), совокупность исторической памяти территориальной и родственной общности, индивидуальную память человека, обусловленную особенностями его "биографической ситуации".
2. Временной разновекторный компонент духовной жизни общности. Ее поток направлен из настоящего в прошлое, но также из прошлого в будущее: ради будущего она и сформирована, семейно-родовая память содержит нормы прошлого и образы будущего социально позитивного поведения членов общности.
3. Информационное поле "запаса знаний" семьи, этнической или территориальной общности. Оно актуализируется во временном пространстве. Территориальная локализация памяти связана также с территорией проживания этнической или территориальной общности. Люди, мигрируя, уносят с собой память предков.
4. Социально дифференцированная категория: в структурах разных поколений, возрастов, половой и социальной принадлежности микропоток памяти имеют разные временные и событийные характеристики. В них память воспроизводит, конституирует себя. Эти социальные ячейки обладают способностью самоконституирования социальной памяти, в них происходит наследование ценностно-смысловых стратегий поведения. Представители разных социальных слоев помнят одно и то же событие по-разному.
5. Опыт социальных практик выживания прошлых поколений, который наследуется потомками в процессе социализации.

6. Мифологизированная и архивированная с помощью символов и смыслов структура. Ошибки памяти трансформируются в мифы, которые рассматривались нами не с критической позиции, как недостатки, а как самостоятельные характеристики объекта изучения с позиций феноменологического подхода.

Итак, семейно-родовая социальная память есть пространство сознания семейно-родовой общности. Она обладает целостностью (при условии целостности пространства сознания общности), необходимой для нормального функционирования семейной общности. Если это пространство разрушают быстро и насильно, то оно искажается, образуя пустоты. Там, где пространство функционировало нормально, люди помнят все, что было с прадедами и прабабушками, там, где оно исказилось, не могут вспомнить даже о себе.

Среди факторов, влияющих на процессы такого искажения, мы выделяем события, связанные с реакцией населения на политические изменения в российском обществе начала XX в., курс которых определялся решениями государственной власти. Речь идет о внешнем силовом давлении, особенно по отношению к дискриминационным, ущемленным категориям населения. Принуждение репрессивного типа изменяет социальное поведение людей, является травмирующим фактором, который оставляет следы в социокультурной ткани, искажает пространство социальной памяти. Травмирующее действие заключается в формировании ложных (стыдливых или героических) представлений о реальности. Неприятности, связанные с событием, вытесняются из памяти, пустоты заполняются мифами.

Исторические процессы, сохранившиеся в семейно-родовой памяти сибиряков, рассмотрены с точки зрения исторической и культурной травмы. Заселение Сибири - это многослойная травма, которая определила и закрепила отношение между Сибирью и центром России как молчаливый конфликт. За Уральские горы уходили по своей воле или по распоряжению властей недовольные разных категорий и национальностей: старообрядцы, крестьяне, спасающиеся от голода или имеющие надежду на лучшую жизнь для своих потомков, ссыльные, уголовные элементы, раскулаченные, депортированные семьи. Изменение места жительства (радикальное, за сотни километров от родины) - первая веха в формировании семейно-родовой социальной памяти. Жизнь первого переселенца описывается потомками в нарративном интервью более детально с подробностями мифического характера. Потомки старожилов повествуют о следующих поколениях переселенцев вплоть до событий 30-х гг. XX в. подробно, спокойно, без экспрессивных акцентов.

В историях потомков "поздних переселенцев" такие фрагменты "золотого века" сибирской жизни практически не встречаются. Переселенческая политика царского правительства последовательностью не отличалась, но учитывала особенности кода крестьянской социальной памяти: добротное хозяйство, семейное довольство, предсказуемость завтрашнего дня. Властные решения советского правительства не приняли в расчет нужды и идеальные представления о нормальной жизни населения, вошли в конфликт с культурно-историческим контекстом и социальной памятью сибирского крестьянства. Власть с новым подходом к владению и пользованию землей, с ориентацией на коллективного пользователя продемонстрировала переход от политики массовых добровольных переселений к насильственным, стала антагонистом социальной памяти сибиряков, ее действия вызвали непонимание среди населения.

В 1918 г. А. М. Коллонтай высказалась о перспективах развития нового типа семьи, основанных на отмирании специфических семейных функций (хозяйственно-бытовой и социализирующей) и передаче их обществу. Новая семья должна была стать территорией равноправного общения мужчины и женщины, связанных взаимной любовью и товариществом. Это идеологическое нововведение стало активно внедряться в социальную практику. Городская семья в какой-то мере была более подготовлена к таким изменениям, но для крестьянской патриархальной семьи это был революционный переворот. Семейно-родовая память большей массы российского населения пришла в конфликт с новой идеологией. Дальнейшие события 30-х годов XX в., связанные с

массовым раскулачиванием в Сибири, сделали невозможным воспроизведение этнокультурных традиций в семьях и родственных кланах.

Исторические и социальные изменения этих лет можно охарактеризовать как неожиданные и быстрые. Они напрямую определили продолжительное и глубинное влияние исторической и культурной травмы на социальное поведение сибиряков. Потенциал населения резко понизился, деструктивный толчок действий власти затронул ткань культуры, которая является основой для способности населения к созиданию и социальному творчеству. Это проявилось в странной пассивной реакции крестьян, с которой они встретили раскулачивание и бесчинства представителей власти. Потомки вспоминали о массовых казнях односельчан, о "тупой покорности", с которой семьи "кулаков" готовились к перемещению в спецпереселения, добровольно приходя на сборные пункты для отправки. Травмирующая ситуация парализовала крестьян, чьи предки отличались предприимчивостью, демократичностью нравов, независимостью. Этим воспользовалась власть. Бунт в ситуациях "твори зло помногу и сразу" невозможен. Это был вариант пассивной реакции на унижение. Обычно ее проявляют в ситуации неравенства сил. На стороне власти был перевес не силы, а инициативы и скорости реакции. Крестьяне продолжали воспроизводить модели традиционного поведения, заложенные предыдущими поколениями, что мешало быстро сориентироваться в изменившейся исторической ситуации. Здравый консерватизм крестьянской социальной памяти, которая определяет восприятие мира в традиционных категориях прошлого опыта, вошел в конфликт с социальными изменениями, происходящими на высокой скорости.

Далее травма ("шоковое" событие) начала деструктурировать повседневный мир людей, нарушая привычное тяготение к свойственному природе людей порядку, который дает ощущение экзистенциальной безопасности. "Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире" [3, с. 89 - 90]. Культурная травма, разрушающая семейное ядро, сопряженная с социальной травмой, связанной с потерей базовых ценностей крестьянина, ощущалась сибиряками особенно остро. Молодое поколение, освобожденное "от семейных предрассудков", подхватило новые идеи, отказавшись от опыта старших поколений, и это определило разрыв в отношениях между дедами и внуками и сбой в размеренном механизме межпоколенной солидарности. Так был разрушен мир смыслов, и это стало последствием культурной травмы.

Это продемонстрировали респонденты, которые составили следующие категории.

1. Информанты, рожденные до 1920-х гг. - самая малочисленная категория (около 10%) респондентов, которые твердо сохранили в памяти события, связанные с раскулачиванием и депривацией, в их историях чаще всего встречаются негативные оценки событий послереволюционного периода. Их респонденты определили кратко и емко: "Годы были проклятые". Интересно, что революционный 1917 г. не фиксируется ни в одной семейной истории.

2. Информанты, рожденные в 20-е гг. XX в. - единственное истинно советское поколение, воспринявшее новые смыслы в юности. Их восприятие реальности особенно ценно: они пограничники между отцами, познавшими трагедию раскулачивания, и их детьми, которые познают трагедию военного детства. События, связанные с молодостью людей, как правило, окрашиваются в яркие, оптимистические краски. Информанты этой категории говорят о своей молодости и о военных подвигах, затушевывая тяготы, связанные со становлением колхозных хозяйств. Их судьбы впитали в себя "боль перехода". Люди, рожденные в 30-е гг. XX в., склонны более нейтрально и позитивно характеризовать события предвоенных лет.

3. "Околвоенная" генерация людей (рожденных в конце 1930 - 50-х гг.) воспитана на принципах коммунистической идеологии. Они оценивают опыт старших поколений с позиций доперестроечных ценностей: любовь к труду, недоверие к богатой жизни, долг по отношению к коллективу и государству. Информация, полученная от этой са-

мой представительной категории респондентов (более 70%) - сухая, конспективная, лишенная описаний выдающихся семейных событий. Формула рассказа: "Жили, как все, ничего особенного". О жизни своих прауродителей они практически не вспоминают, ссылаясь на отсутствие документов или плохую память. Родительский отказ от опыта предков затруднил доступ к семейно-родовой памяти дедов, сократил длительность и глубину этой памяти. В их сознании закрепилась травма военного детства (отсутствие отцов, ранний труд, непосильный для ребенка, голод, холод, нищенская одежда).

4. Поколение новых "шестидесятников" (рождения 1960-х гг.) можно назвать "потерянным поколением". Идеологические постулаты, воспринятые ими в юности, оказались нежизнеспособными в новое время. Выжили и быстро адаптировались к новым идеологическим установкам те, кто в меньшей степени разделял ценности развитого социализма. Они первыми осознали, что такое безработица, задержка зарплаты, невостребованность их социального и профессионального опыта. Среди героев семейных историй это поколение дает наибольший процент алкоголиков, мужской смертности, разводов, проблем с рождением детей. Слабые адаптивные возможности, неспособность в новых условиях актуализировать мужские качества главы семьи (опора и защита) проявились у мужчин. Это дети поколения, выросшего без отцов, они не помнят своих дедов, погибших на войне, им никто не передал опыт поведения главы семьи в кризисных ситуациях. Женщины продемонстрировали высокую степень ситуативности, вытеснили мужчин с территории "добытчиков", начав приносить в дом больше материальных средств, завладели авторитетом у детей, что подтолкнуло мужчин к разным формам самоустранения. Респонденты этой категории чаще рассказывают о своих дедах и прадедах, восстанавливая в памяти события "золотого века" жизни сибирского крестьянства дореволюционного периода.

5. Информанты разных поколений этнических немцев, перемещенные в Сибирь на основании Указа Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. из Поволжья и других регионов. У них сохранилось неприязненное отношение к себе со стороны местного населения, к ним относились, как к "фашистам". Имели место случаи обострения, вызванные "похоронками" с фронта. В ситуации смены места жительства люди испытали "культурный шок" - разновидность культурной травмы, конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания. Этот процесс был особенно болезнен в ситуации военных действий, незнания языка, кризиса идентичности. В семейно-родовой памяти депортированных он зафиксировался как серьезная коллективная травма.

Действие социокультурной травмы вызывает ответные реакции общности: сопротивление травме ("совладание - coping - с травмой") и посттравматическую адаптацию. П. Штомпка и Н. Смелзер назвали этот механизм "травматической последовательностью" (traumatic sequence), связанной с готовностью общности к дальнейшим изменениям. Рассмотрим, как этот механизм зафиксирован семейно-родовой памятью.

В январе 1928 г. началась кампания хлебозаготовок, в методы которой активно включались обыски, конфискация скота, облавы. "Кулацкие хозяйства", характерные для Сибири, уничтожались, их имущество передавалось в распоряжение колхозов. Кулаки и члены их семей в административном порядке выселялись в северные и таежные районы в качестве спецпереселенцев. "Большинству крестьян был нанесен психологический удар. Сельские хозяева, успевшие привыкнуть к определенным советским гарантиям, неожиданно обнаружили, что никаких гарантий больше не существует. Отныне власти запрещают земледельцам распоряжаться плодами своего труда... Кто не согласен - у того отнимали силой и сажали по 107 статье" [9]. Перед семьями встали проблемы выживания в условиях отсутствия гарантий в завтрашнем дне, угрозы депортации и физического уничтожения за то, что еще вчера считалось достоянием и качеством семейного капитала - достаток и добротное хозяйство.

Семейно-родовая память зафиксировала процессы сопротивления травме. По свидетельству респондентов, семьи, разоренные хлебозаготовками, имели еще столько жизненных сил, что вновь поднимали собственное хозяйство. Однако их вновь объявили "кулаками", переместили в северные области. После этого семьи не могли восста-

новить утраченные силы и богатство. В качестве вариантов сопротивления бытовали факты уничтожения скота, распродажи или раздачи имущества односельчанам, отказа от наемной рабочей силы, бегства в города, добровольного вступления в колхозы с целью защиты семей от полного разорения. Оживился брачный рынок: "богатые" торопились заключать браки с женихами или невестами из бедных семей.

В октябре 1931 г. началось массовое принудительное обобществление и изъятие скота у крестьян. "Политбюро Запсибкрайкома потребовало покрыть дефицит в плане скотозаготовок за счет последних крестьянских коров. Председатель крайисполкома Грядинский лично отдавал приказание отнимать скот у крестьян-однокоровников и малосемейных в случае невыполнения плана. В итоге - лишь в южных районах Сибири власти забрали последнюю корову у 60 - 70% крестьян-единоличников" [9, с. 57].

Лейтмотив историй, относящихся к предвоенному времени - страх. Сибиряки исследуемой категории дистанцировались от власти, не идентифицировали себя с ней. Власть - это нечто, разрушающее их уклад, мешающее счастью, что-то вроде дождливых дней во время сенокоса. Перетерпи, все пройдет. Они не могли признать возможность саморазрушения границ своих привычных потребностей, социально ориентированных потребностей и своего места в мире идеального мироощущения. Травмирующая ситуация разрушила структуру потребностей членов семейно-родовой общности: материальных (депривация, лишение нажитого); социальных (распад социальных связей, гибель членов семьи); идеальных (невозможность освоить в состоянии стресса информацию о новых социальных условиях на большой скорости). Страх ограничивал "территорию" потребностей, лишал людей инициативы к действиям.

Респонденты объяснили технологию выстраивания отношений с властью: говорить можно... шепотом. ("Народ стал всего бояться, в селе говорили только шепотом"; "слова лишнего боялись сказать".) Жестким действиям власти сибиряки противопоставили угрюмое смирение: отныне они считали, что эта власть "безбожная", что воровство у власти не есть грех; что "молиться можно тайно", потомки старообрядцев и вольных казаков прятали на чердаках иконы и молчали.

Укрепив позиции, устранив население, власть переходит в наступление, демонстрируя абсурдность решений с точки зрения повседневного опыта людей. В 1935 г. начались акции обязательных поставок колхозами и отдельными крестьянами сельскохозяйственных продуктов. Список этих продуктов часто носил произвольный характер и не отвечал экономическим возможностям крестьянских хозяйств. Респонденты рассказывали, что независимо от наличия скотины и птицы, каждый двор облагался налогом, за неуплату которого привлекали к суду. Это обходилось дороже, чем выход, найденный крестьянами: поехать в город, купить масло и яйца и сдать заготовителю, приехавшему из этого же города.

Травматические события наполняются новыми смыслами. Так, колхозы стали рассматриваться сибиряками как "наказание за грехи". Старики вспоминали, как после войны распространились слухи, что "в благодарность за победу Сталин распустит колхозы". Нарушая мир привычных смыслов, новые смыслы также несут травму. Они продолжают жить, вносят раздвоение, конфликт внутри культуры, сталкивают сознание членов группы, ожидания и реальность.

Посттравматическая адаптация отразилась на социальном поведении сибиряков. В историях, описывающих послевоенные события, об отношениях с властью не упоминается. В них содержатся сведения о жизни семей, большей частью изложенных в стиле "банальных семейных сценариев": родился, учился, женился, умер. Конспективно, обыденно сообщается о свадьбах, рождениях детей, болезнях, профессиональных достижениях, разводах, получении дипломов об окончании образования. Фраза: "жили, как все", - самая точная для определения этих воспоминаний. Политическая жизнь страны шла параллельно с жизнью семей, ее события не фиксировались в воспоминаниях современников. За скобками повседневной жизни остались съезды партии, международные отношения государства. Типична для семейных событий этого

времени фразы: " всю жизнь проработал...". Этот газетный штамп для родственников респондентов мог означать факт, достойный по тем временам гордости.

При анализе семейных историй наблюдается прерывность воспоминаний. Линия красочных семейных повествований о жизни прауродителей, о действиях власти, использующей карательные методы, превращается в пунктирную, когда жизнь протекает однообразно, становится похожей на жизнь соседей. Ситуация парадоксальна: события давнего прошлого (времена крестьянской колонизации Сибири) фиксируются в семейно-родовой памяти четко и подробно, а жизнь поколения родителей и собственная жизнь младшего поколения в семейных историях представлена конспективно и кратко. Получается, что прадеды и деды, обосновываясь на этой земле, делали нечто значимое, их личности окутаны ореолом романтики. Их потомки, вытянувшие на своих плечах годы войны, награжденные медалями и званиями, выглядят в семейных историях очень скромно. Биографическая ситуация, связанная с травматическими событиями, заслонила или стерла из памяти черты степенности и подвижности, основательности и авантюризма. Преодоление травмы - завершающая фаза цикла. Иногда ее рассматривают как начало нового цикла травматической последовательности. Межпоколенное обесценивание символического семейного капитала, прекращение принудительной силы действия традиций и обычаев повлекло за собой аномию. Новое время так и не выработало новых обычаев, связанных с социальным признанием семьи. Нетрадиционная семья с доминированием женщины лишила отца и мужчину авторитета. Женщина поневоле становится единственной хозяйкой в доме и справляется с этими обязанностями не хуже мужчины, приводит к изменению семейного ролевого поведения супругов. В дальнейшем это отразилось на репродуктивной функции семей. Если женщина несет груз обязанностей мужчины, то это сопровождается снижением жизненного потенциала рода. Истории и выстроенные на их основе геносоциогаммы свидетельствуют об увеличении фактов детской и младенческой смертности, гинекологических заболеваниях, росте числа разводов в третьем-четвертом поколении, смертности мужчин от раковых заболеваний.

1. Ключевые истории содержат уникальные данные о жизни нескольких поколений с подробным описанием особенностей переселения, адаптивных практик в Сибири, осмыслением понимания событийного ряда (28% выборки). В текстах этой категории хорошо просматривается связка: "память о событии - рефлексия". Информантами, как правило, являются потомки коренных сибиряков, "поздние переселенцы", группы, депортированные по этническому признаку, глубина памяти которых охватывала 5 поколений. Это "ведущая партия в хоре", герои историй - компетентные хранители социальной памяти сибирской территориальной общности.

2. "Обычные" истории, которые рассказывали носители типичных характеристик семейно-родовой памяти, подтверждают характеристики ключевых историй, характер изложения конспективный, перечисляются события, но их рефлексия практически отсутствует, глубина памяти - не более 3 поколений (35%). В судьбах последующих поколений информантов этой категории воспроизводятся банальные жизненные сценарии. Это базовые ("альтовые") истории, из которых формировались основные варианты повседневных практик сибиряков.

3. Истории "новой волны переселения", связанной с событиями депортации военного периода или профессиональных мигрантов 1950 - 60-х гг. Их социальная память не отличается глубиной, стиль изложения событий примитивен (37%).

Один из критериев систематизации выборки - память о характеристиках предков к началу XX в. рассмотрена с двух позиций: память о социальном происхождении: крестьяне трех категорий (зажиточные - 23%, "средняки", спасавшиеся от голода и малоземелья - 39%, батраки - 7%), которые составили основную массу героев историй; государственные служащие, чиновники - 9%; рабочие - 7%; дворяне - 6%; купцы, коммерсанты - 6%; священнослужители - 3%; этнической принадлежности: русские (56%), украинцы (12%), белорусы (8%), поляки (8%), немцы (5%), мордва (4%), эстонцы, латыши, финны (3%), иные (3%).

Сегодня государственная администрация, живущая за Уральским хребтом, определяет отношение с жителями Сибирского региона как молчаливый конфликт, своеобразное наследие от противопоставления центральной власти ее репрессивному аппарату, сформированному в результате длительной социокультурной травмы XX в. "Иного, впрочем, трудно было бы ожидать от людей, чьи предки (если не они сами) были либо сосланы, либо депортированы, либо (в лучшем случае) были экономическими беженцами с территорий, находящихся под плотным контролем центральной власти", - считает один из высших чиновников [10].

Сегодня сложилось устойчивое выражение "сибирский характер". И хотя в последние десятилетия сибирское население сильно изменилось, все же черты этого характера до сих пор можно увидеть в самооценке и мироощущении жителя Сибирского региона, основанных на адаптивных реакциях сибиряков в ситуациях конфликта семейно-родовой памяти между фактами настоящего и прошлого, адаптации и поиска новых смыслов, которые можно интерпретировать как социокультурная травма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социол. исслед. 2001. N 1.
2. *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
3. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / пер. с англ. / М.: Аспект-Пресс, 1996.
4. *Ровинский П. А.* Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. 1875. N 11. С. 232.
5. *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М.: Тип. Грачева и комп., 1862.
6. *Пытин А. Н.* Сибирь и исследования ее // Вестник Европы. Т. 2. Кн. 4. 1888.
7. *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984.
8. *Давыдова Г. М.* Русские в Сибири // Под ред. В. А. Александрова. М.: Наука, 1999.
9. *Панков С. А.* Сталинский террор в Сибири. 1928 - 1941 гг. Новосибирск, 1997. 10. *Павленко С.* Центр - регионы: Кто кого? // Международная жизнь. N 4. 1993.